

Алексей Морозов и его коллекция русской фарфоровой пластики

В 2007 году исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося московского коллекционера, собирателя русского искусства Алексея Викуловича Морозова (1857—1934), коллекция фарфора которого была лучшей в Москве.

В немногочисленных публикациях о нем мы не найдем ни исчерпывающих биографических сведений, ни сколько-нибудь развернутой характеристики его фарфорового собрания. Источником интересных сведений служит тетрадь воспоминаний Морозова, которую он начал писать в 1930 году и которая хранится в архиве Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». Первые страницы этой тетради хочется цитировать целиком, настолько выразительна здесь характеристика собирательской работы автора и его основных коллекций.

Приведем некоторые данные о самом А.В. Морозове и его легендарном собрании русского фарфора. Алексей Викулович принадлежал к четвертому поколению династии крупных владельцев предприятий текстильной промышленности, обладавших миллионными состояниями, значительную часть которых они тратили на меценатство, собирательство и благотворительность. Это было новое поколение не только богатых, но и просвещенных людей. А.В. Морозов до сих пор находится в тени ярких и даже эксцентричных фигур его родственников — Михаила Абрамовича и Саввы Тимофеевича Морозовых. Их кипучая жизнь и неординарные поступки были на виду у всей Москвы и не раз служили поводом для пересудов. Алексей Викулович тоже был заметной фигурой, но его жизнь в основном была сосредоточена на главном деле — коллекционировании предметов русского искусства. В личности и характере А.В. Морозова удивительным образом соединялись самые разные черты. Старший сын в семье, вынужденный принять все дела после смерти отца, главы «Товарищества Викулы Морозова и сыновей», и стать его председателем, он не полу-

чил необходимого в новых исторических условиях технического, юридического или экономического образования. По его собственным словам, самым важным для себя он считал «освобождение от тяжелого делового ига», чтобы полностью отдаться любимому делу собирательства, о котором при жизни отца «мог только тайно мечтать». При этом он свято выполнял все заветы отца в отношении дел предприятия и благотворительности. В частности, на средства, завещанные Викулом Елисеевичем, была построена в Москве и постоянно поддерживалась потом его сыновьями детская больница, и ныне известная всем как Морозовская. Алексей Викулович сохранил также глубокую преданность старинным заветам в вопросах веры: вместе с дедовскими иконами он унаследовал от отца должность старосты старообрядческой общины с особо строгой традицией беспоповцев поморского толка. Но при этом, как и все Морозовы, он был «русским европейцем», часто ездил в Европу, одевался в Англии, заказывал фамильные сервизы на европейских фарфоровых заводах. Все Морозовы становились завсегдатаями художественных аукционов и галерей, были дружны с профессурой

Московского университета, с широкими художественными кругами, в том числе с такими выдающимися художниками, писателями и деятелями искусства своего времени, как Врубель, Левитан, Чехов, Шехтель, Станиславский... Приобщившись к высокой культуре, они сознательно стремились найти в ней свое место и оставить заметный след.

Закончив хлопоты по исполнению завещаний и делам благотворительности, А.В. Морозов в 1900 году оставил все дела в Товариществе на младшего брата Ивана и, по его собственным словам, «с увлечением долго сдерживаемой страсти предался коллекционерству, составлению систематических собраний русской старины исторического и художественного значения». Необходимо подчеркнуть, что с самого начала А.В. Морозов, уже имея определенные знания, поддерживая тесные связи с художественными и научными кругами, стал действовать как профессионал, как знаток, не поддаваясь соблазну «брать все подряд или лезть за раритетами». Он определил основные направления собирательства, их было три: русские гравированные портреты, иконы и русский фарфор; к этому следует еще добавить русское стекло и серебро XVIII века, имеющие точки соприкосновения с гравюрой. Четко поставленная цель, неутомимость в поисках нужных произведений, работа с антикварами, посещение зарубежных аукционов и знакомство с различными собраниями дали замечательные результаты. Несмотря на то что Морозов начал систематически собирать вещи сравнительно поздно, когда уже существовали такие известные коллекции, как собрание русской старины П.И. Щукина, к началу 1910-х годов он уже обладал тремя уникальными собраниями, два из которых — русских гравированных портретов и фарфора — не имели себе равных.

Конечной целью собирательства, на которое Алексей Викулович не жалел «трудов и издержек», было создание музея: «Я задался мыслью превратить свой обширный особняк, в котором я жил одиноким холостяком, в музей и зивещать его городу Москве как музей моего имени. Устройство музея в особняке... стало главным делом второй половины моей жизни. Моя судьба неразрывно связалась с этими собраниями, я ими жил, в них был смысл моего существования». Работы были прерваны из-за начавшейся Первой мировой войны. Еще перед войной А.В. Морозов завещал свои коллекции государству.

После Октябрьской революции, в конце 1918 года, коллекция А.В. Морозова, имеющая большое историко-художественное значение, была национализирована. В 1919 году в морозовском особняке, что во Введенском (ныне Подсосенском) переулке на Покровке, был открыт музей русской художественной старины, в 1921 году, который после передачи коллекций икон, гравюр и серебра в крупнейшие музеи Москвы переименовали в Музей фарфора. Морозов был оставлен его пожизненным хранителем. За время работы в музее он заведовал отделом русского фарфора, руководил экскурсиями, изучал коллекцию и продолжал дарить музею новые экспонаты русского фарфора, собиранию которого посвятил значительную часть жизни.

В 1920-е годы это был один из лучших музеев Москвы. Прекрасно оборудованный, с профессионально и умело

созданной экспозицией, с выдающимися произведениями, этот музей, по словам Алексея Викуловича, «производил громадное впечатление на приезжих иностранцев, был известен в Европе и Америке и возбуждал удивление и зависть западных искусствоведов и коллекционеров». По существу, музей не имел запасников, экспонировалась практически вся коллекция, включая дубликатные экземпляры целого ряда скульптурных произведений, что, безусловно, представляло особый интерес для специалистов. Музей фарфора просуществовал в морозовском особняке 10 лет. В 1929 году здание отдали под одно из учреждений, экспонаты были упакованы в ящики, несколько лет ждали решения своей судьбы. Наконец, Музей керамики (так стал называться Музей фарфора примерно с 1930 года) перевели в усадьбу Кусково, где он и находится с 1932 года. С 1938 года архитектурно-парковый комплекс усадьбы Кусково и коллекции Музея керамики существуют как единый музей.

Широко бытует мнение, что морозовская коллекция разошлась по разным музеям или растворилась среди других экспонатов музея керамики. Однако смеем утверждать, что собрание А.В. Морозова одно из немногих счастливо избежало печальной судьбы десятков прекрасных музеев, созданных после революции в особняках и усадьбах, коллекции которых были расформированы и поделены между крупными музеями. Морозовская коллекция не только сохранилась в своей основе, но и определила существенные особенности всего разросшегося собрания музея керамики.

Дадим, наконец, характеристику фарфоровой коллекции А.В. Морозова. Собрание русского фарфора было «выдающимся по полноте и историко-бытовому значению, — так охарактеризовал его сам владелец. — В процессе собирания я не гнался за исключительными раритетами, а поставил себе задачу дать полную картину развития этой важной отрасли русской художественной промышленности». Несомненно, морозовская коллекция фарфора считалась редкостной, но вот увидеть ее посчастливилось немногим: Алексей Викулович очень ревностно относился к своему собранию и мало кому его показывал.

За годы работы в музее Морозов составил полное научное описание своей коллекции, которое охватило более 2600 предметов. По сути, это каталог, где все произведения систематизированы по заводам и даны в хронологическом порядке, в подавляющем большинстве предметы имеют атрибуцию и датировку. Иной раз автор здесь же, в описании, приводит аргументы в пользу данной им атрибуции или комментарии по поводу какой-нибудь редкой марки, давая ссылки на литературу. В инвентарях музея предметы морозовской коллекции, как правило, записаны с атрибуцией, данной еще ее собирателем и по сей день не утратившей своей актуальности.

Полнота и высокий художественный уровень коллекции А.В. Морозова действительно впечатляют. В ней присутствуют уникальные произведения Императорского завода XVIII века, всегда особенно высоко ценимые собирателями, в том числе несколько редчайших предметов елизаветинского времени. Более 20 различных по типу и назначению предметов и посудных форм относятся к эпохе Екатерины II и Павла I.

Александр II. Завод Сипягина. 1860-е гг.

Разнообразен и очень ценен подбор изделий завода Гарднера XVIII века. Среди них почетное место занимают кружки в виде голов турка и турчанки и двойные солонки с фигурами мальчиков и девочек, которые представлены в нескольких экземплярах, позволяющих проследить трансформацию этих произведений от точных реплик мейсенских моделей до образов, уже в большей степени ориентированных на российского покупателя.

Широчайшая перспектива русского фарфора XIX века в собрании Морозова не может не вызывать восхищения. Трудно перечислить даже самые замечательные экспонаты. Это первоклассные произведения Императорского завода, созданные на протяжении всего столетия и в начале XX века. Здесь большие дворцовые вазы с копиями эрмитажных картин и предметы из различных придворных сервизов, чайно-кофейные наборы, среди которых особый интерес представляет сервиз «тет-а-тет» с подносом времени Александра II с видами царской подмосковной усадьбы «Ильинское», отдельные чашки с сюжетной росписью, туалетные флаконы и медальоны.

Чрезвычайно разнообразно представлен фарфор всех известнейших частных заводов — Гарднера, Попова, Сафронова, Батенина, Корниловых, Юсупова и редкие изде-

Китаец. Императорский фарфоровый завод. 1760-е гг.

лия малоизвестных фабрик. Почти все самое интересное и значительное, созданное на том или ином заводе, непременно имелось в морозовской коллекции. Прекрасен подбор продукции подмосковных предприятий, как уже названных и широко известных, так и многочисленных заводов Гжели и ряда ранних фабрик, например, Всеволожского и Поливанова, Кирьякова, изделия которых особенно редки. Этот замечательный состав коллекции подмосковного фарфора определяет одну из основных особенностей не только собрания Морозова, но и музея керамики в целом.

К сожалению, целостность коллекции была нарушена в 1920 — 1930-х годах, когда часть экспонатов передали в различные областные и республиканские художественные музеи. Правда, в основном выдавались один-два предмета из сервиза, дубликатные экземпляры, но что особенно досадно — часть экспонатов получил Госторг «для реализации». Порой предметы для изъятия подбирались по идеологическим соображениям. Так, из коллекции «ушла» редчайшая фигура императора Николая I, имя которого в советский период старались не вспоминать. Сейчас неизвестно, в каких еще собраниях есть эта скульптура, выпущенная заводом Сипягина в середине XIX века. У Морозова в коллекции были фигуры нескольких российских императоров: Александра I, Николая I, Александра II, Петра I, а также Наполеона.

Только один этот эпизод позволяет определить еще две наиболее существенные особенности морозовского собрания. Во-первых, его интерес к персоналиям и особое внимание к вещам, имеющим высокую историческую ценность и значительным по тематике. Здесь уместно вспомнить другое увлечение А.В. Морозова — русские гравированные портреты. В собранных им произведениях фарфора также представлена целая галерея портретов русских императоров, членов царской фамилии, прослав-

Якуты. Из серии «Народы России». ИФЗ. 1780—1790-е гг.

ленных полководцев и других знаменитостей, изображенных как искусными живописцами Императорского завода или хорошо обученными художниками крупных частных предприятий, так и мастерами-самоучками гжельских заводов в наивной лубочной манере. Среди этих произведений есть уникальные, например, кружки завода Батенина с портретами императора Николая I и императрицы Александры Федоровны, выполненными в редчайшей для русского фарфора технике литофании.

Во-вторых, безусловное превосходство коллекции Морозова состоит в необычайно полном, интереснейшем подборе фарфоровой пластики практически всех известных русских заводов, начиная от ранних скульптурных произведений Императорского и гарднеровского заводов и заканчивая авторскими работами художников начала XX века, включая первые произведения советского периода. Благодаря усилиям Морозова музей керамики владеет сейчас лучшей в стране коллекцией русской скульптуры. Одно только перечисление основных групп произведений может вызвать зависть не только коллекционеров, но и обладателей больших музейных коллекций. Невозможно назвать даже все самые интересные предметы, а тем более проиллюстрировать этот огромный список. Но все-таки попытаемся обозначить самые значительные и редкие экспонаты морозовской коллекции.

Его собрание открывает одно из самых ранних произведений скульптуры Императорского фарфорового завода — фигурка из серии «Китайцы», автором моделей которой считается И. Дункер. Их создание относят иногда к началу 1750-х годов — такая ранняя датировка подтверждается несовершенством массы и лаконичностью росписи. Но все же предпочтительней представляется датировка этих фигур началом 1760-х годов. Уникальным по количеству экземпляров можно считать собранную Морозовым коллекцию фигур из серии «Народы России», выпу-

Самоеды. Из серии «Народы России». ИФЗ. 1780—1790-е гг.

щенную на ИФЗ в 1780—1790-х годах, — это более 20 фигур, все очень хорошего качества. Особенно ценно то, что многие народы были представлены парами, как и в книге И.-Г. Георги, по гравюрам которой создавались фигуры, — это самоеды, якуты, казанские татары, камчадалы, кабардинцы, киргизы. Некоторые фигуры были представлены в двух экземплярах и имели разные варианты росписи. К этой серии примыкает более редкая скульптурная группа «Коряки».

Казанские татары. Из серии «Народы России». ИФЗ. 1780—1790-е гг.

Молочница, пирожник, маковница. Из серии «Торговцы и ремесленники». ИФЗ. 1780—1790-е гг.

Продавец рыбы. ИФЗ. Конец XVIII в.

Серия «Торговцы и ремесленники», созданная в дополнение к «Народам России», была представлена в коллекции всеми основными шестью фигурами (плюс 4 дубликатных) — это молочница, ягодница, пирожник, птичник, маковница, продавец фруктов. Довершают столь впечатляющую картину пластики ИФЗ конца XVIII века интересные жанровые сцены довольно большого размера — «Продавец рыбы» и «Сельские музыканты», а также фигуры детей из серии «Времена года» и бисквитный бюст Сенеки.

Собрание скульптуры завода Гарднера XVIII века в морозовской коллекции можно назвать уникальным. В нем насчитывалось чуть более ста произведений. Эта часть гарднеровского наследия до сих пор недостаточно изучена и не полностью опубликована. Состав коллекции пластики Гарднера чрезвычайно разнообразен. Это целая серия фигур детей-садовников, созданная по моделям Мейсенской

мануфактуры и представленная в различных вариантах росписи и оформления подножий (30 экземпляров); фигуры музыкантов во всем многообразии пластического решения (17 фигур), мифологические и аллегорические образы, крестьянские и пасторальные сценки, торговцы, турки, персонажи итальянской комедии масок, повторяющие модели немецких заводов и демонстрирующие их различную переработку русскими мастерами. Интересна скульптурная группа из трех фигур, название которой у Морозова связано с известной новеллой о бондаре из «Декамерона» Боккаччо. Такая интерпретация сюжета представляется все же неоднозначной, во всяком случае, это произведение перекликается с рядом произведений немецких заводов, в которых представлены группы веселых виноделов. Состав коллекции позволяет выявить ряд моделей, которые были заимствованы Гарднером не у Мейсена, а у дру-

Дети-садовники. Завод Гарднера. По моделям Мейсена. Конец XVIII в.

Мальчики-музыканты. Реплики моделей Хёхста и др. заводов. Завод Гарднера. Конец XVIII в.

Скульптурная группа «Бондари». Завод Гарднера. Конец XVIII в.

Завод Гарднера:
1. Садовница с козырьком. По модели Хёхста. Конец XVIII в. 2. Женщина с музыкальным инструментом («Китайка»). 3. Женщина с тусами и ягодами. 2 и 3 — реплики моделей Хёхста. 1800—1810-е гг.

гих немецких заводов, например, в Хёхсте. Среди них — известная фигура садовницы в платке с козырьком и женщина в экзотическом наряде с европейским музыкальным инструментом — «Китайка». Удивительна долгая жизнь у этой модели на заводе Гарднера, где ее выпускали в нескольких вариантах, а в начале XIX века бывшая китайка стала русской разносчицей с тусами ягод.

С.С. Пименов. Водонос, водоноска, девушка с разбитым кувшином. ИФЗ. 1810-е гг.

Поразительно собрание пластики XIX века, в котором представлены как очень известные произведения, так и уникальные экземпляры изделий крупнейших предприятий, а также редчайшие образцы продукции почти забытых фабрик. Например, впечатляет собрание скульптуры ИФЗ, мало известной в литературе. Более 30 редких оригинальных фигур и групп относятся к первой четверти XIX столетия. В их числе — знаменитые произведения С.С.Пименова «Девушка с коромыслом», «Водонос», «Девушка с разбитым кувшином», а также «Сбитенщик», все фигуры в нескольких вариантах; сцены детских игр, военные 1812 года, множество композиций и чернильных приборов с фигурами амуров. Чрезвычайно важно для представления полноты картины русской фарфоровой

Чернильный прибор «Казак, сидящий на пушке». Слева направо: ИФЗ, 1810-е гг., завод Попова, 1810—1820-е гг., Завод Сафронова, 1820-е гг.

пластики было то, что многие произведения, созданные на одном заводе и повторявшиеся затем на других, присутствовали в коллекции Морозова в нескольких вариантах. В качестве яркого примера можно привести две композиции ИФЗ 1810-х годов: «Мальчики, катающиеся на коньках», выполненные в бисквите, и чернильный прибор «Казак, сидящий на пушке». Первая из них была повторена на заводе Гарднера с полихромной росписью, вторая тиражировалась на ряде предприятий — на заводах Попова, Сафронова, Козловых (последняя, к сожалению, была выдана из Музея керамики в 1930-х годах) с некоторыми изменениями. Подобных примеров, рассказывая о морозовском собрании, можно привести множество.

Более ста произведений в коллекции относятся к эпохе Николая I. Разнообразно представлена скульптура 1830—1840-х годов, периода, когда в скульптурной мастерской завода не было яркого, ведущего мастера. Среди изделий того времени — очень полная серия торговцев и разносчиков, созданная по иллюстрациям издания Дациаро L. Loire. Croquis russes (СПб, б/г.). Коренастые и зачастую неуклюжие фигурки торговцев и разносчиков выполнены неизвестным скульптором ИФЗ непосредственно по графическим оригиналам. Они привлекают внима-

Мальчики, катающиеся на коньках. ИФЗ. 1810-е гг.

ние самобытным внешним обликом персонажей из уличной толпы и предлагаемыми ими товарами. Яркая роспись фигур является отступлением от книжной графики, ее колорит очень характерен для фарфора николаевской эпохи и построен на сочетании контрастных и очень звучных оранжевых, би-

Фигуры торговцев и разносчиков (по изд. L. Loire. Croquis russes). ИФЗ. 1830—1840-е гг.

Театральные и маскарадные персонажи. ИФЗ. 1830—1840-е гг.

земляр этой группы ИФЗ был выдан из музея, но, к счастью, сохранилась эта же композиции в немного уменьшенном виде завода Попова.

Еще один цикл фигур того времени — театральные и маскарадные персонажи — был широко отражен в морозовской коллекции. Здесь встречаются портретные изображения известных артистов и актрис. Они привлекают не столько мастерством композиции и пластического решения, сколько точностью в передаче деталей внешнего облика и яркостью росписи.

В собрании пластики ИФЗ второй половина XIX века, эпохи Александра II (около 75 предметов), преобладают работы ведущего скульптора того времени А. К. Шписа. Среди разнообразных по тематике произведений этого плодотворного мастера наиболее привлекательны композиции на детскую тему. Выполненные с большим мастерством, изобретательностью, мягким юмором, эти произведения пользовались и пользуются большим успехом у коллекционеров. Среди хорошо известных работ Шписа из морозовской коллекции можно назвать такие, как большая по размеру выразительная группа «Играющие дети» и четыре фигурки детей в костюмах комедиантов, созданные по

А.К. Шпис. Играющие дети.
ИФЗ. 1860—1870-е гг.

розовых, малиновых, синих, красных, различных зеленых и фиолетовых тонов. Сложные подножия фигур оформлены рельефными золочеными рокайлями и часто не имеют жарок. Многие фигуры этой серии, а также некоторые другие были представлены у Морозова в миниатюрном варианте. К этому же времени относится и создание более крупной по размеру, очень колоритной и выразительной композиции по иллюстрации к басне И.А. Крылова «Демьянова уха». К сожалению, эк-

А.К. Шпис. Дети в костюмах персонажей французской комедии. ИФЗ. 1860-е гг.

Фигуры из серии «Волшебный фонарь»: кучер, блинник, почтальон, градской страж.
Завод Гарднера. Конец 1810-х — начало 1820-х гг.

эскизам французского художника В. Босе, работавшего на ИФЗ в 1850—1860-х годах.

Были в коллекции Морозова и работы ведущих скульпторов ИФЗ конца XIX — начала XX века. Среди них — композиции, изображающие конногвардейцев, К. Рауша фон Траубенберга, а творчество А.К. Тимуса было представлено у Морозова фигурами сидящих животных из его известной серии и медальонами с портретами императора Николая II и Александры Федоровны.

Деятельность ИФЗ начала XX века в морозовской коллекции была продемонстрирована этапными произведениями. Это несколько фигур из серии «Народы России», созданной по моделям П. Каменского, и все три работы в фарфоре К. Сомова: кроме знаменитых «Влюбленных» и «Дамы с ма-

ской» — более редкая, значительно меньшая по размеру группа «На камне». Таким образом, скульптурное наследие ведущего предприятия отечественной фарфоровой промышленности, изделия которого далеко не всегда поступали в продажу, было представлено у Морозова очень достойно и разнообразно.

Несомненно, особенно ценны в его собрании коллекции скульптуры подмосковных заводов. Им было собрано более 400 фигур завода Гарднера XIX века. Эти произведения всегда (и по сей день) являются предметом особого внимания коллекционеров. Но в собрании Морозова был единственный в своем роде подбор ранних первоклассных фигур народных типов первой трети XIX столетия, перечислить которые в рамках этой публикации невозможно. В их числе — самый полный комплект фигур, выполненный по гравюрам популярного издания 1817—1818 годов «Волшебный фонарь,

или Зрелища Санкт-Петербургских расхожих продавцов, мастеров и других протонародных промышленников, изображенных верной кистью в настоящем их наряде и представленных разговаривающими друг с другом, соответственно каждому лицу и званию», СПб., 1817—1818 гг. (13 моделей, многие из которых были в коллекции в нескольких экземплярах: кучер и блинник, почтальон и градский страж, крестьянин и крестьянка, еврей и торговка старыми вещами, дворник, вестовой, молочница, лакей, чухонец). А.В. Морозов написал первую работу, посвященную этим ставшим впоследствии знаменитыми фигурам, опубликовав небольшую книжку в 1924 году. В его коллекции можно выделить целые серии фигур, созданные по самым разным графическим оригиналам, многие из которых до сих пор не выявлены.

Фигуры из серии «Волшебный фонарь»: крестьянка, крестьянин, молочница, чухонец, лакей, стекольщик.
Завод Гарднера. Конец 1810-х — начало 1820-х гг.

Торговец с тугасами, продавица рыбы. Завод Гарднера. 1820-е гг.

Сбитенички. Завод Гарднера. 1820-е гг.

Это, например, фигуры различных торговцев, почти неизвестные в литературе, множество вариантов моделей только одного сбитенички (около 10), серии крестьян и крестьянок разного размера, фигуры большого размера, изображающие двусторонние типы, модницы, 5 вариантов фигуры «Водоноска» по модели ИФЗ, в том числе с очень нарядной росписью синего сарафана, украшенного по подолу полихромной каймой с модными «турецкими бобами».

Для изучения скульптуры завода Гарднера очень ценно то, что это фигуры, выпущенные в 1810 — 1820-х годах и повторившиеся в 1830-х в меньшем размере и с измененными деталями, тоже были во множестве представлены в собрании Морозова. По классификации самого коллекционера, русские типы в скульптуре завода Гарднера первой половины XIX века насчитывали более 200 экземпляров; в пла-

стике второй четверти столетия около 50 составляли русские модели и 85 — это подражание иностранным образцам. Выделив основные группы в разнообразнейшей по тематике гарднеровской скульптуре первой половины XIX века, Морозов назвал будущим исследователям основные ориентиры в изучении богатейшего наследия лучшего русского частного завода. Примерно 65 произведений составляла скульптура Гарднера второй половины XIX века, в том числе популярные композиции из раскрашенного бисквита на крестьянскую тему, а также более 15 фигур из серии «Народы России» (сохранились не все). Надо отметить, что в коллекции почти не было невысоких в художественном отношении изделий завода кузнецовского периода.

Коллекция пластики завода Гарднера была самой яркой и значительной в собрании Морозова. Широкая кар-

Крестьянка на воле. Завод Гарднера. 1830-е гг.

Обнаженные. Завод Гарднера. Сер. XIX в.

Ск. группы на сюжет романа Ж.А. Бернардена де Сен-Пьера «Поль и Виргиния»: Поль и Виргиния, негр Доминг, Поль и Виргиния, укывшиеся от грозы. Завод Попова. 1820—1830-е гг.

тина русской народной жизни, запечатленная в скульптурных произведениях первого русского частного завода, была по достоинству оценена специалистами еще в 1920-е годы. В Музее фарфора в качестве научной темы А.В. Морозова было утверждено как раз изучение отражения народного быта в русском фарфоре.

Редкостным был и состав коллекции пластики завода Попова, который сейчас тоже является лучшим в нашей стране (у Морозова было более 350 фигур). Опять-таки особенно ценен подбор скульптуры этого завода первой половины XIX столетия, которая почти не изучена. Мир образов, созданных в скульптуре Попова, значительно разнообразнее гарднеровского. Здесь и герои литературных произведений, и популярные в начале столетия амур, мифологические и аллегорические композиции, парижские продавщицы лент и парфюмерии, итальянские художники,

Дети — аллегории времен года: зима, весна, лето, осень. Завод Попова. 1820—1830-е гг. (варианты).

повторения моделей европейских заводов и редкие, оригинальные фигуры на русскую тему. Морозовская коллекция позволяет выявить в скульптуре Попова повторения моделей ИФЗ и Мейсена XVIII и XIX веков, найти точки соприкосновения с пластикой завода Гарднера. Скульптура Попова нередко уступает гарднеровской в мастерстве создания композиции, точности анатомического строения фигур, хотя и предельно обобщенных, тонкости и выразительности пластической проработки лаконичных деталей. Но анатомические погрешности фигур Попова полностью искупаются прекрасным качеством фарфора (которое особенно наглядно проявляется в

Знаменитые итальянские художники: Бенvenuto Челлини, Леонардо да Винчи, Паоло Веронезе. Завод Попова. 1830-е гг.

изделиях из белого бисквита), чистотой отделки, яркостью и нарядностью росписи, неизменно создающей впечатление продукции высокого европейского уровня.

В общей массе поповской скульптуры выделяется наивностью пластического языка, грубыми нарушениями пропорций и анатомии, угловатостью движений небольшая серия фигур русских крестьян, созданная, вероятно, в 1830 — 1840-х годах. Здесь чувствуется рука самобытного мастера-самоучки, возможно, привыкшего вырезать из дерева. Среди наиболее ярких произведений завода нельзя не упомянуть колоритные и выразительные большие композиции «Демьянова уха» по басне И.А. Крылова (повторение модели ИФЗ) и загадочную группу из двух фигур бояр, играющих в шахматы (предположительно, это изображены Иван Грозный и Борис Годунов). Невозможно не вспомнить и целую серию миниатюрной скульптуры завода Попова середины столетия. У Морозова было около 50 фигурок. И. Лазаревский в своей работе «Среди коллекционеров» писал: «Собрание А.В. Морозова поповских миниатюр может считаться по полному праву лучшим и самым полным». Невероятно многообразен этот мир крошечных фарфоровых безделушек. Здесь мы увидим повторения в миниатюре фигур, выпущенных заводом раньше, снова реплики западных образцов и оригинальные произведения. Широта тематики невероятна: Папа

«Демьянова уха» (по басне И.А. Крылова). Завод Попова. 1840-е гг.

Крестьяне. Завод Попова. 1830—1840-е гг.

Римский и Арлекин, Елеазар и Ревекка у колодца и различные танцующие пары, полюбившийся русской публике негр Доминг и сценка «Медвежья услуга», знаменитые танцовщицы Ф. Эльслер и М. Тальони, турок и турчанка и еще множество персонажей. Миниатюрную скульптуру выпускали многие заводы, но все же поповская выделяется именно своей миниатюрностью, тонкостью лепки и отделки деталей, выразительностью композиции, яркой декоративностью.

Особого разговора заслуживает выпущенная заводом Попова в 1850—1860-х годах серия фигур и групп на крестьянскую тему из бисквита. Она особенно интересна в сравнении с аналогичными композициями Гарднера, что позволяет выявить особенности творчества мастеров обоих предприятий. Можно сделать вывод, что на заводе Попова где-то в середине XIX столетия появился профессиональный скульптор. Его произведения, по сравнению с гарднеровскими, нередко отличаются более тонкой и умелой проработкой деталей, правильно отражающей анатомическое строение фигур. Среди этих работ немало оригинальных композиций, в частности, изображающих различные забавы крестьянских детей. Эти непритязательные сценки правдиво передают особенности крестьянского

Миниатюрная скульптура:
Папа Римский, Елеазар и Ревека у колодца, танцовщицы Фанни Эльслер
и Мария Тальони, Арлекин, танцующая пара, «Медвежья услуга»,
две девушки с собакой. Завод Попова. Середина XIX в.

Два еврея, дети, играющие с отцовскими вещами. Крестьянин и мальчик, показывающий язык. Мальчик на санках. Завод Попова. 1850—1860-е гг.

Разносчик обуви, продавец ягод. Завод Козловых. 1820-е гг.

быта, а образы детей согреты искренним чувством и душевной теплотой. Менее привлекательной представляется поповская скульптура из бисквита, образы которой заимствованы в современном европейском искусстве, хотя она занимала в продукции завода значительное место.

Единственной в своем роде в собрании Морозова была коллекция скульптуры одного из лучших заводов Гжели первой половины XIX века — завода братьев Козловых, впоследствии необоснованно забытого. Здесь работал самый талантливый гжельский мастер-скульптор, бравшийся порой за очень сложные по композиции произведения. Его фигуры выделяются на общем фоне гжельской фарфоровой пластики рядом особенностей, которые позволяют предположить, что он где-то приобрел профессиональные навыки лепки, хотя отсутствие академической подготовки, неумение правильно передать анатомию обнаженного тела и другие погрешности

в его работах очевидны. Но в целом его манера творчества сложилась под непосредственным влиянием скульптуры Гарднера. В собрании Морозова насчитывалось 95 фигур завода Козловых (около 25 позже были выданы). Разнообразная по тематике скульптура этого предприятия значительно расширяет наше представление о творчестве гжельских мастеров. В ряду произведений Козловых — народные типы, в том числе повторяющие гарднеровские модели, но есть и самостоятельные, также выполненные по известным гравюрам своего времени, литературные персонажи, модницы и франты, аллегорические и мифологические образы. Благодаря морозовскому собранию ГМК обладает сейчас лучшей коллекцией скульптуры завода Козловых, которая, безусловно, заслуживает отдельной публикации, тем более что при ее рассмотрении возникает целый ряд атрибуционных вопросов.

Франт и модница. Завод Козловых. Кон. 1820-х гг.

Пляшущие крестьяне (по лубочной картинке «Русская пляска»).
Завод Козловых. 1830-е гг.

Цветочница и крестьянка с цветами.
Завод Козловых. 1820—1830-е гг.

Морозов с особым вниманием и любовью собирал изделия многочисленных гжельских заводов, часто немаркированные, так называемый фарфоровый лубок, специально выделяя этот раздел в своей «программе» собирательства: «...я стремился выявить роль непосредственного народного творчества в фигурной пластике русского фарфора. Одним из самых интересных отделов собрания является отдел фигурного лубка, в котором одаренность вышедших из среды народа талантливых самоучек проявилась так же ярко, как и в деревянной резной скульптуре». И он не был одинок в своем увлечении. О народной пластике Гжели с восторгом отзывались в начале XX века И.Э. Грабарь и барон Н. Врангель, написавший книгу о русской скульптуре, лубок составлял интереснейшую часть собрания фарфора К.А. Сомова и других коллекционеров. Самобытные изде-

лия таких известных предприятий, как заводы Новых и Гулиных, и более мелких фабрик Гжели интересны своей необычной и выразительной интерпретацией популярных образов. Выполненные в наивной и лаконичной манере, близкой по приемам лепки к народной игрушке, фигурки модниц, торговцев и разносчиков, литературных героев, «распутных» — аллегорических женских фигур, жанровые сценки, иногда немыслимые по пропорциям обнаженные тела мифологических персонажей и «голышек» (народного варианта популярного жанра «ню») создают необычайно пеструю и живую картину народного творчества, которая простоудушно отражает и трансформирует многоликую городскую культуру своего времени. Благодаря морозовской коллекции при систематизации значительного кусковского собрания лубка есть возможность соотнести многие не-

Модница, дворник, рыбак, поваренок, модница, продащица лент. Завод Новых. 1820—1830-е гг.

Самсон со львом. Леда с лебедем. Завод Козловых. 1820-30-е гг. Аллегории Европы и Азии. Завод Новых. 1820-е гг.

Женщина с птицей. Завод Гулиных. 1820—1830-е гг.

маркированные фигуры с продукцией заводов Козловых, Новых, Гулиных, Храпунова и др.

К сожалению, в одной публикации невозможно подробно остановиться на чрезвычайно интересных собраниях пластики в морозовской коллекции таких известных предприятий, как заводы Корниловых, Тереховых и Киселева, Кудиновых, Кузнецовых в Новохаритонове, Сабанина, Миклашевского. Скульптура этих производств кроме прочего интересна тем, что здесь, как везде и всюду, многократно повторялись модели ведущих предприятий, и коллекция Морозова дает возможность проследить эти разнообразные заимствования и определить характерные черты самостоятельного творчества мастеров того или иного предприятия. Так например, среди немаркированных фигур, входящих в состав лубка, много изделий подмосковного завода Кудиновых, скульптура которого отличается рядом своеобразных, неповторимых приемов лепки, росписи и образно-эмоциональ-

ного строя, которые в целом свойственны искусству народного примитива, по-своему выразительного и забавного. При этом многие модели заимствованы у других заводов, но интерпретированы порой совершенно неожиданно.

Скульптура завода Корниловых тоже нередко воспроизводит модели других предприятий, прежде всего ИФЗ; но иногда это совсем иное пластическое решение распространенного образа, как, скажем, в фигуре кулачного бойца. Лишь один пример сопоставления двух фигур — альпийского пастуха (которого выпускал и завод Попова) и русского пастуха наглядно показывает, каким образом западные образцы трансформировались на российской почве, сохраняя заданную композицию, но приобретая новый, национальный колорит.

Очень тесные связи, основанные на родстве двух владельцев, существовали между предприятиями Попова и Сабанина, поэтому большая часть продукции завода Сабанина выпу-

Самоед. Заводы Новых (слева) и Храпунова. 1820-е гг.

Пляшущие крестьяне и балалаечник. Завод Кудиновых. Сер. XIX в.

Водонос, продавец лубочных картин, кулачный боец.
Завод Корниловых. Сер. XIX в.

скалась по поповским образцам. Это очень четко прослеживается и в скульптуре завода. Фигуры, выполненные по моделям Попова, отличаются значительным упрощением пластики и снижением качества изделий. И в фигурах, самостоятельно созданных мастерами Сабанина, тоже очень отчетливо видны черты искусства народного примитива, выражающиеся в наивной лепке фигур с преувеличенно большими головами и скованными движениями, как, например, в группе «Охота на медведя» и в фигуре крестьянина-дровосека.

К редким образцам русской фарфоровой пластики начала XX века относятся изделия небольшой фабрики или мастерской Каулина в Новгородской губернии, работавшей в 1900—1910-х годах. Не очень профессионально выполненные из серой фарфоровой массы, фигуры милиционера, кондукторши, мальчика, торгующего папиросами, весьма живо передают атмосферу уличной толпы предреволюционного времени. Они служат своеобразным мостиком, связываю-

Милиционер, продавец папирос, кондукторша. Завод Каулина. 1910-е гг.

щим русскую фарфоровую пластику периода ее расцвета (первая треть XIX века), живо откликавшуюся на события и реалии современной жизни, и новый взлет искусства скульптуры в творчестве художников советской, послереволюционной эпохи.

Завершая далеко неполный обзор морозовской коллекции русской фарфоровой скульптуры в ГМК, хочется подчеркнуть особую ценность этого собрания для исследователей. Полнота коллекции позволяет не только представить целостную картину развития искусства русской фарфоровой пластики, но и всесторонне отразить деятельность того или иного завода, а также проследить самые различные связи между предприятиями, которые выявляют новые аспекты в творчестве русских мастеров. Отдельные примеры, иллюстрирующие эти взаимодействия, уже не раз приводились. Бога-

Альпийский и русский пастухи. Завод Корниловых. Середина XIX в.

Крестьянин-дровосек и охотник с медведем.
Завод Сабанина. 1850—1860-е гг.

тейший материал коллекции Морозова, несомненно, поможет исследователям сделать много новых открытий и разгадать те загадки, которые еще таит в себе отечественная фарфоровая пластика.

Татьяна МОЗЖУХИНА